

С. А. Дондо
Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Данное исследование посвящено рассмотрению актуальных вопросов, связанных со способами определения основных типов политических текстов в современной России. Материалом исследования являются статьи из печатных средств массовой информации, представляющих различные общественно-политические силы современного российского общества. При работе над статьей использовались методы контент-анализа, политологический анализ, анализ дискурса с позиций языка, риторических приемов и культурологических характеристик. При сопоставлении текстов различных политических сил России показано, что основными признаками того или иного общественно значимого типа дискурса являются манифестативная лексика (*Fahne-woerter*), а также риторические и культурологические особенности. Практическая ценность данной работы заключается в том, что на базе выявленных признаков определяются способы обнаружения того, к какой политической группе принадлежит тот или иной автор. Данные выводы позволяют более эффективно оценивать политические устремления отдельных деятелей и политических сил, особенно тех, кто недавно появился на общественной арене.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс; манифестативная лексика; отрицательная манифестативность; риторические традиции; культурные особенности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дондо Сергей Анатольевич, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет; место работы: редакция газеты «Планета Антиглоб»; адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; e-mail: sergei.dondo2002@yandex.ru.

1. Определение понятия общественно-политического дискурса

Размышляя о природе «дискурса», лингвисты поначалу определяли данное понятие как совокупность текстов в определенной сфере [Арутюнова 1999]. Однако довольно скоро стало ясно, что понятие «дискурс» намного шире и не только относится к особенностям языка (тогда бы нас удовлетворило понятие «подъязык»), но и предполагает речевую деятельность в данной сфере, на данном языке.

В данной работе принимается (вслед за В. З. Демьянковым [Демьянков 2005] и многими другими исследователями [Карасик 1999]) точка зрения на дискурс как на мыслительную человеческую деятельность (точнее, совместную речемыслительную активность). При таком восприятии дискурс окажется вполне удобным инструментом в междисциплинарных исследованиях, что мы уже неоднократно наблюдали. Можно ожидать развития соответствующих прикладных направлений и появления новых, например, лингвополитологии — дисциплины, ставящей своей задачей получение данных, значимых для политического анализа, на основании исследований лингвистического типа [Борисова 2012]. При этом, естественно, предполагается активное использование достижений языкознания: лексикологии, психолингвистики, фонетики и др.

В таком варианте под понятие «политический дискурс» подходит речемыслительная деятельность, связанная с осмыслением политической ситуации и влиянием на нее. В наши дни имеется немало работ — монографий, статей, исследований, — так или иначе связанных с этим понятием. Становление этого направления в России связано с конференциями, проходившими в 90-х гг. под руководством В. Н. Базылева, А. А. Леонтьева и Ю. А. Сорокина [Сорокин 1999]. Примерно в то же

время встал вопрос о неоднородности политического дискурса Российской Федерации.

2. Основные политические силы современной России

При выявлении особенностей различных типов политического дискурса будем ориентироваться на те представления о группировании общественно-политических сил, которые разделяются современными политологами и соответствуют противопоставлению сил в политических баталиях на региональном и федеральном уровнях.

Практически однозначно определяется «партия власти» — партия «Единая Россия», а также Объединенный народный фронт, молодежные организации и некоторые местные партии и организации, выступающие на выборах тогда, когда «Едро» демонстрирует невысокий рейтинг. Второй по значимости думской фракцией является КПРФ. Но это не единственная политическая сила в «красном», коммунистическом секторе нашего политического пространства. Есть традиционные партии и силы «Трудовая Россия», РКРП — РПК, есть новые коммунистические партии и объединения, например «Коммунисты России», а также различные молодежные, женские и другие общественные организации, открыто декларирующие поддержку коммунистических или социалистических идей.

Оставшиеся две парламентские партии — ЛДПР и «Справедливая Россия» — не имеют выраженных признаков идеологической ориентации. Можно отметить, что обе партии важной ценностью считают патриотизм, однако это характерно и для КПРФ, да и для всех партий «красного спектра». А в последние годы патриотизм стал едва ли не стержнем государственной идеологии. И все-таки можно говорить об определенной части политического спектра, для которой ведущей оказываются патриотические и традиционные

ценности. Сюда можно отнести и «просвещенных консерваторов» из Изборского клуба, и православных активистов, борющихся против гей-парадов и персональных номеров, и сторонников древнеславянских (ведических) групп. Видимо, в это консервативно-традиционное направление можно включать и идеологов исламизма, но их труды слабо представлены на русском языке.

Наконец, конечно же, нельзя не принимать во внимание политические силы либеральной направленности, бывшие у власти в России в 90-х гг. Это партии «Яблоко», «Гражданская инициатива» и ряд других. Наиболее значительные деятели этого направления широко публикуются в прессе, находясь в центре внимания медиа. Сейчас их принято называть «несистемной оппозицией».

С учетом отмеченных нами различий политических сил проанализируем тексты, относящиеся к ним, и на этом основании выявим особенности, определяющие разные типы политического дискурса.

3. Языковые, культурные и риторические признаки типов общественно-политического дискурса

При изучении политических текстов (письменных и устных), а также условий их существования (выступления, записи в блогах, статьи и т. п.) обращают на себя внимание следующие сферы проявления, позволяющие выявить заметные различия политических сил. Во-первых, это язык (возможно, первое место этого фактора связано с профессиональной принадлежностью автора данного текста, но не исключено, что язык, концентрирующий в разном виде основные когнитивные, коммуникативные и культурные особенности человеческой деятельности, действительно заслуживает первого места). Язык политической коммуникации уже широко описан и для русской язычной сферы общения, и для многих других.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие так называемой манифестативной (*manifestive, Fahne-woerter*) лексики, т. е. характерной именно для данной группы [Borisova 1998]. Как было показано в нашем докладе на конференции «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве», (Ярославль, 2012) в разряде общественно-политической лексики имеется определенный фрагмент (до нескольких сот единиц), который допускается в речи представителей только определенных политических групп. Например, слово *трудолюбився* характерно для коммунистических текстов. Для других, в частности, принадлежащих перу либеральных авторов, такие единицы маловероятны, используются разве что в кавычках, т. е. при цитировании, ироничном употреблении. Только для православных характерны слова и словосочетания *promыслительно, Спаси, Господи* (в значении «спасибо») и другие.

При анализе лексики не менее важным оказывается и такое явление, как «отрицательная манифестативность», т. е. слова, которые не могут использоваться определенной группой людей. В основном положительно-манифестативная лексика для одной группы оказывается отрицательно-манифестативной для всех прочих. Но нередко встречаются слова, которые допустимы для

всех, кроме одной какой-либо политической группы, например слово *электорат* отвергается традиционалистами, тогда как либералы, провластные СМИ и в последнее время даже коммунисты его охотно используют.

Помимо выявления манифестативных слов, лексический анализ должен включать и выявление оценочных, эмоционально-экспрессивных, ассоциативных характеристик, которые также могут различаться у различных носителей языка. Показательным в этом смысле оказывается слово *эгоист*, которое имеет отрицательную окраску в группах, симпатизирующих коммунистам и традиционалистам, но положительную или хотя бы нейтральную в группах, ориентирующихся на либеральные идеи. Психолингвистический эксперимент, направленный на выявление оценочных характеристик общественно-политической лексики [Борисова, Некрасова 2009], показывает различия в отношении к словам *реформа, коммунист, священник* в зависимости от политической ориентации респондента. Правда, часть лексики одинаково оценивается всем населением. К таким относятся слова *свобода, справедливый, богатство* (положительная оценка), *фашист, террорист, роскошь* (отрицательная оценка разной степени интенсивности).

При изучении дискурса следует обращаться не только к лексическому анализу. Определенные различия могут быть выявлены и при анализе синтаксических структур текстов разных групп, интонационных особенностей устной речи. Здесь, к сожалению, исследования находятся в начале пути. Можно отметить замечаемую многими фонетистами не полностью нисходящую интонацию в повествовательных предложениях, характерную для ведущих программ и ораторов, скорее относящихся к либеральному кругу. Эта же особенность отличает и речь В. В. Жириновского.

Еще одним фактором, позволяющим дифференцировать политические силы и традиции, являются культурные компоненты речи по-разному политически ориентированных групп населения: прецедентные тексты, имена, цитаты. Здесь в явном виде проявляется ориентация на картину мира, на культурно-идеологические предпочтения. Уже по упоминаниям (благоклонным) Булата Окуджавы, И. Бродского, художника Кабакова, скульптора М. Шемякина мы можем предположить, что речь идет об авторе текста либеральной ориентации. Конечно, есть еще имена, которые могут сплотить нацию, они одинаково любимы представителями различных политических сил: А. Блок, Пушкин, Лермонтов... Но уже Н. А. Некрасов и даже Н. В. Гоголь могут восприниматься негативно либералами, а А. Н. Радищев, поэты-декабристы — представителями традиционного дискурса. Впрочем, во всех политических станах найдутся люди, способные ставить эстетические достижения творцов выше их политических взглядов.

Имена исторических деятелей в этом смысле определяют предпочтения авторов сообщений более однозначно. Даже такие несомненно великие фигуры из уже далекого прошлого России, как Иван III, Иван Грозный, Петр Великий и Андрей Боголюбский воспринимаются по-разному в раз-

ных политических кругах. Либералы настороженно относятся даже к Александру Невскому, а в традиционалистских кругах возникают споры по поводу Петра I, который очень часто получает негативные оценки. Пожалуй, только коммунисты благостно воспринимают всех деятелей русской истории, но лишь до конца XVIII века, после чего идет четкое деление на «прогрессивных» и «реакционных» (последнее слово, кстати, манифестативно для коммунистов, первое же — отрицательно манифестативно для традиционалистов, избегающих его). О более поздних исторических фигурах и говорить не приходится, хотя иногда бывают «странные схождения». Например, многие коммунисты и традиционалисты положительно воспринимают И. В. Сталина. А вот Н. С. Хрущева, как-никак, первого секретаря Коммунистической партии, и коммунисты, и традиционалисты не любят (видимо, первые — за разоблачение, не вполне правдивое, культа личности Сталина и за компрометацию коммунистической идеи многими сумасбродными предложениями, а вторые — за бездумное разрушение церкви и нетактичное отношение к верующим).

Таким образом, речь идет о различных типах политического дискурса, которые формируются системой авторитетов и культурных ценностей, взглядами и политическими пристрастиями и тех или иных социальных групп населения.

Помимо историко-культурных аспектов общественно-политического дискурса, существуют и риторические. Риторические традиции включают в себя позиционирование говорящего по отношению к аудитории; степень эмоциональности речи, выбор стилового регистра — все это тоже может характеризовать различные общественно-политические группы, включающие как деятелей, так и их сторонников [Борисова 2012]. Например, для языка политических сообщений Третьего рейха, т. е. нацистской Германии, были характерны пафос, напыщенность, эмоциональность, что хорошо видно на примерах выступлений таких деятелей, как А. Гитлер, Геббельс и А. Геринг. Эта риторическая традиция получила название тоталитарной [Клемперер 1998].

В противовес ей для западного либерального дискурса характерна сдержанность. Работающие в данной традиции журналисты сравнивают себя с «гонцами, приносящими вести». Считается, что на психику слушателей и читателей нельзя «давить»: на основании изложенных фактов каждый сам должен сделать для себя соответствующие выводы об услышанном или прочитанном.

Впрочем, успокоенные ориентацией на объективность потребители либеральных массмедиа склонны воспринимать информацию без должного критического анализа. Так, большинство западных граждан до сих пор верят, что М. Каддафи был «людоедом», а Слободан Милошевич осуществлял геноцид в Косово.

Интересно отметить, что в советское время радиопередачи «из-за бугра» (коротковолновых радиостанций стран Запада на русском языке) заметно отличались от всего отечественного вещания спокойной интонацией (советскому радио был присущ приподнятый, пафосный тон). Также советские политические тексты изобиловали зна-

чительным количеством штампов, на основании чего многие исследователи считали советскую риторическую традицию тоталитарной [Seriot 1985]. Однако штампы и клише распространены и в либеральной риторической традиции (например, *права человека, демократия*), а эмоциональность и пафос были характерны и для русской дореволюционной литературы, например для публицистики Л. Н. Толстого, работ В. И. Ленина. То же самое можно сказать и о произведениях известного писателя А. И. Солженицына. Если обратиться к литературе XVII—XVIII вв., то схожие тенденции можно увидеть в книгах обличителя «новой веры» протопопа Аввакума и в указах Петра I. Так что пафос и эмоциональность характерны не только для советского дискурса.

Заметим, что для российской риторической традиции характерно самоотожествление говорящего со слушателями (отсюда частое употребление местоимения «мы»), в то время как для либеральной традиции характерно, что оратор как бы возвышается над толпой, доминирует над ней.

Подводя итоги размышлениям о различных типах риторической традиции, можно сказать, что для традиции тоталитарной принято вещать, для либеральной — сообщать, а для русской — звать.

Что касается выступлений И. В. Сталина, то они не принадлежат ни к русской, ни к тоталитарной традиции. Речь Сталина, всегда неспешная, изобиловала риторическими вопросами, ответы на которые включали и их формулировки. Также для выступлений Сталина было характерно повторение важнейших слов и использование нумерации: *во-первых, во-вторых* [Розина 1991]. Все это в определенной степени позволяет отнести выступления Сталина к либеральной традиции.

4. Типы политического дискурса в новой России

Теперь, когда мы сформулировали основные параметры, характеризующие политический дискурс, попробуем с их помощью описать политические силы и их дискурс.

Либеральный дискурс выражает позицию неолиберальных политических сил в современной России. Данный тип дискурса характеризует тенденция подражать западной массовой культуре, ее стремлению всячески подчеркнуть свою постулируемую независимость и беспристрастность в освещении событий. Подобные тексты содержат много заимствованных слов, иностранных терминов, псевдонаучных выводов и обобщений; синтаксис их достаточно сложен. Обычно отличаются экспрессивностью, иронией. С одной стороны, либеральный дискурс предназначен для представителей среднего образованного класса, так называемого «офисного планктона», «образованщины». С другой стороны, утрированно-примитивизированные предвыборные слоганы типа «Хочешь жить как в Европе? Голосуй за СПС» явно предназначены для людей не очень высокого интеллектуального уровня.

Патриотический дискурс России представлен такими политическими партиями, как «Народная воля», «Великая Россия» и др. Их язык в значительной мере является книжным, но иностранных заимствований в текстах данного типа

дискурса мало — в основном это религиозно-философские термины из древнегреческого языка. Устные и письменные тексты, относящиеся к данному типу дискурса, часто отличаются эмоциональностью, экспрессивностью.

Следует отметить, что лидеры ЛДПР и КПРФ постоянно заявляют о патриотизме, т. е. сближаются с данным типом политического дискурса. Однако язык устных и письменных текстов сторонников ЛДПР приближен к языку разговорному, даже бытовому. КПРФ формально является левой, коммунистической партией, но в своих выступлениях руководители КПРФ (Г. А. Зюганов, В. Рашкин и др.) часто обращаются к православным истокам русского менталитета. Если упрощение языка в текстах ЛДПР, скорее всего, направлено на получение как можно большего числа голосов на выборах, то изменения в коммунистическом дискурсе действительно отражают происходящие внутри КПРФ фундаментальные процессы трансформации целей, задач и методов работы. Достаточно вспомнить, что на нынешнем лозунге КПРФ на первом месте стоит слово *Россия*.

Коммунистический дискурс. Левый, коммунистический дискурс берет начало в революционных текстах начала прошлого века. Ему присуща, с одной стороны, эмоциональность и пассионарность, а с другой стороны, частое обращение к марксистско-ленинской философии и политэкономике. Данный тип дискурса также характеризует использование речевых штампов советских времен.

Как мы же сказали выше, Коммунистическая партия Российской Федерации — старейшая на данный момент коммунистическая партия России. В СМИ она в основном представлена возглавляемой В. Чикиным газетой «Советская Россия», а также «Правдой», которая является официальным рупором КПРФ и в лексическом плане мало чем отличается от партийных СМИ других российских коммунистических партий («Коммунисты России», «Рот-Фронт», Объединенная коммунистическая партия).

В 1990-е гг. в Российской Федерации значительную роль играли коммунистические организации более радикальной ориентации: «Трудовая Россия», РКРП и др. Выступления их лидеров — В. Анпилова, В. Крючкова, В. Тюлькина — отличались более последовательным употреблением фразеологии, характерной для марксистской пропаганды, например: *диктатура пролетариата, гегемон, классовый враг* (в КПРФ такие слова практически вышли из употребления). В наши дни роль этого типа дискурса невелика из-за резкого уменьшения членов радикальных коммунистических организаций.

Что касается **официально-властного дискурса**, нельзя не отметить, что в последнее время данный вид дискурса также претерпевает изменения. В постперестроечный период официальные тексты практически не отличались от обычного либерального дискурса, фактически являясь его частью. Такие тексты изобиливали штампами, но не штампами советской эпохи, а новыми, такими как *деловой, хозяйственник, прагматик*. Подобная лексика должна была по-

казывать народу, что главным принципом власти является такой: «Не болтаем о политике, а делаем полезное дело!»

В настоящее время для текстов властного дискурса характерен определенный возврат к дискурсу советской эпохи, использование таких слов, как *патриотизм, верность, преобразование*. Впрочем, уже в 90-е гг. (например, в выступлениях Ю. М. Лужкова) начали проявляться тенденции к использованию в незначительной мере патриотической риторики [Алпатов 1996]. В настоящее время, в связи с агрессивной политикой блока НАТО и «оранжевой» угрозой, данная тенденция все более усиливается.

В делении политического дискурса на основные типы нет четких границ, наблюдаются, как мы указали выше, смешанные типы. Есть свои особенности внутри левого (троцкисты, анархисты, сталинисты) и патриотического (патриоты-националисты, умеренные патриоты) типов дискурса.

Интересно отметить, что с возникновением в России движения «Антиглобалистское сопротивление», объединившего в своих рядах представителей различных общественно-политических сил, выступающих против «глобализации по-американски», некоторые лингвисты стали говорить о возможности появления нового типа политического дискурса — антиглобалистского. В настоящее время для отношений между силами, объединившимися вокруг идеи антиглобализма, а это и коммунисты, и патриоты, и националисты [Антиглобализм 2005; Филимонов 2005], характерны неприязнь и обида, имеющие исторические корни. Однако в рамках решения общих задач, в первую очередь антиглобалистского толка, представители разных силы способны к общению на общем языке. Возможно, через какое-то время язык антиглобализма действительно сформируется и займет свое место среди других типов политического дискурса.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение различных типов политического дискурса имеет не только теоретическое, но и практическое значение, помогая правильно определить политическую ориентацию авторов политических текстов или их части, что, в свою очередь, может служить ключом к пониманию того, какие силы стоят за тем или иным политическим манифестом или декларацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Использование языка в целях манипуляции // Обозреватель. 1996 № 6. Антиглобализм: новые повороты. — М. : ЛО Московия, 2005.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1999.
3. Борисова Е. Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России — 2 : материалы рабочего совещания. — М., 1998. С. 17—18.
4. Борисова Е. Г. Язык общественно-политической коммуникации : учеб. пособие. — М. : МГПУ, 2012.
5. Борисова Е. Г., Некрасова Е. И. Любите ли вы демократию? (Оценочный потенциал общественной лексика) // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург,

21—24 сент. 2009 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2009. С. 23—24.

6. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. к 70-летию Т. М. Николаевой / под ред. В. Н. Топорова. — М. : Языки славянских культур, 2005. С. 34—55.

7. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград, 1999. — С. 5—19.

8. Клемперер В. Язык Третьего рейха / пер. с нем. А. Григорьева — М. : Прогресс-Традиции, 1998.

9. Розина Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Наука убеждать — риторика. — М. : Наука, 1991.

10. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. — М., 1997.

11. Понимание в коммуникации: человек в информационном пространстве : сб. науч. трудов под общ. ред. Е. Г. Борисовой, Н. В. Аниськиной : в 3 т. — Ярославль ; М. : Изд-во ЯГПУ, 2012. — Т. 3.

12. Филимонов В. П. Святое православие и тайна беззакония. XXI век. — М., 2005.

13. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989—91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989—91. — Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 111—130.

14. Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. — Paris, 1985.

S. A. Dondo

Moscow, Russia

MAIN PRINCIPLES OF IDENTIFICATION OF SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with important problems, connected with the methods and ways of identification of the main types of political texts in modern Russia. The presented research was carried out on the material of mass media publications, representing various socio-political forces of the modern Russian society. The methods of content analysis, politological analysis, discourse analysis from the point of view of language, rhetorical techniques and culturological characteristics have been used by the author of the article. In the result of the comparison of texts of various political forces in modern Russia, the article demonstrates that the main distinctive features of a socially significant discourse are the so-called “manifestive words” (Fahne-wörter), as well as rhetorical and culturological peculiarities. The practical significance of this work lies in the fact that the obtained results allow a more effective evaluation of political aspirations of separate politicians and political forces, especially those which have recently appeared on the political scene of the country.*

KEY WORDS: discourse; manifestive words, negative manifestivity, rhetorical traditions, cultural peculiarities.

ABOUT THE AUTHOR: Dondo Sergey Anatolievich, Degree Applicant of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University; Editorial Board Member, Newspaper “Planeta Antiglob”, Moscow, Russia.

LITERATURE

1. Alpatov V. M. Ispol'zovaniya yazyka v tselyakh manipulyatsii // Obozrevatel'. — 1996 — № 6. Antiglobalizm: novye povoroty. — М. : LO Moskoviya, 2005.

2. Arutyunova N. D. Diskurs// Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' pod redaktsiyey V. N. Yartsevoy — Moskva, «Sovetskaya entsiklopediya», 1999

3. Borisova E. G. Osobennosti tipov politichesko-gosudarstvennogo diskursa v Rossii // Politicheskiy diskurs v Rossii — 2. Materialy rabochego soveshchaniya. М., 1998. s.17-18.

4. Borisova E. G. Yazyk obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii. Uch.pos. — М. : MGPU, 2012.

5. Borisova E. G., Nekrasova E. I. Lyubite li vy demokratiyu? (Otsenochnyy potentsial obshchestvennoy leksiki) // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 21-24 sentyabrya 2009 / Ural. gos. ped. un-t; Gl. red. Chudinov A. P. — Ekaterinburg, 2009. — s. 23-24.

6. Dem'yankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoy yazyka // Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70—letiyu T. M. Nikolaevoy / Pod red. V. N. Toporova. — М. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. S. 34—55.

7. Karasik V. I. Religioznyy diskurs — Yazykovaya lichnost': problemy lingvokulturologii i funktsional'noy semantiki. Volgograd, 1999. — s. 5-19.

8. Klemperer V. Yazyk Tret'ego Reykha/ Per. s nem. A. Grigor'eva — М. : «Progress- Traditsii», 1998.

9. Rozina R. I. Korifey propagandy, ili ritorika Stalina// Nauka ubezhdat' — ritorika. — М. : «Nauka» — 1991.

10. Sorokin Yu. A. Politicheskiy diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya // Politicheskiy diskurs v Rossii. М., 1997.

11. Ponimanie v kommunikatsii: Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov pod obshch. red. E. G. Borisovoy, N. V. Anis'kinoy. V 3 tt.— Yaroslavl'; Moskva: Izd-vo YaGPU, 2012.—Т. 3.—117 s.

12. Filimonov V. P. Svyatoe pravoslavie i tayna bezzakoniy. XXI vek. М., 2005.

13. Borisova E. Opposition discourse in Russia: Political Pamphlets 1989—91 // Political Discourse in Transition in Europe 1989—91. — Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 111—130.

14. Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. — Paris, 1985.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. Г. Борисова.